

Августа Волхен

Он —
её опасное
искушение.

Она —
его шанс
на спасение.

18+

!

Цары и Роз

другая
история
Белль

Королевство страсти и боли. Темное ромэнтези

Августа Волхен

**Чары крови и роз.
Другая история Белль**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волхен А.

Чары крови и роз. Другая история Белль / А. Волхен — «Эксмо»,
2026 — (Королевство страсти и боли. Темное ромэнтэзи)

ISBN 978-5-04-255243-4

Аннабелль Тэйлор – самая красивая девушка на свете, ведь она последняя фейри. Её обожают или ненавидят, а один её поцелуй может подчинить себе волю любого. Но ради любви к человеку она старается не использовать магию. Лорд Адам Спенсер — легендарный альфа волков-оборотней, проклятием обращённый в чудовище. Он скрывает свой пугающий облик во тьме, но его голосу и тёмному обаянию сложно сопротивляться. И чем сильнее между ними притяжение, тем труднее Белль понять, где заканчивается магия и начинается желание. Ведь отмеченный проклятием лорд неожиданно пробуждает в ней не только любопытство и страх — но и голод по тем чувствам, которые она считала запретными. «Предначертанное — да свершится. Прими свою судьбу, последняя фейри».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-255243-4

© Волхен А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Том I	6
Часть I	6
1. Роза	6
2. Золото Элфина	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Августа Волхен
Чары крови и роз
Другая история Белль

© А. Волхен, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

* * *

Том I

Часть I Символ Элфина

1. Роза

Аннабелль Грейс Тэйлор была последней фейри и самой красивой девушкой на свете, поэтому легко могла позволить себе опоздать. Будь Белль иного склада характера, она бы ни в чём не нуждалась, играя на вожделии богатых мужчин и манипулируя их волей. Но Белль не желала пользоваться чарами фейри ради денег и старалась держаться правил, установленных для всех. И сейчас ей не хотелось подводить хозяина кафе, в котором работала официанткой.

Укорив себя, что не вызвала такси десять минут назад, Белль свернула в квартал Пророчеств. Миновав улицу Ясений, ведущую к готическому особняку Адер де Виль, где сто шестьдесят пять лет назад жила печально знаменитая ведьма Айрин Бёрд, Аннабелль вышла на широкую улицу Бражников. Дедушка рассказывал: раньше здесь жили банши. А лет сто назад квартал Пророчеств заселили цыгане, и теперь улица Бражников пестрела красными крышами домов, жёлтой штукатуркой стен, полосатыми юбками и цветастыми платками. Завидев Белль, несколько молодых цыганок, звеня монистами, стали радостно зазывать её к себе. Аннабелль невольно подумала, что среди них она вполне могла бы сойти за свою: спасибо бабушке-итальянке за тёмно-каштановые кудри, на которых бы так хорошо смотрелся узорчатый платок, и большие карие глаза – их можно было бы подвести чёрным карандашом. Лёгкий загар, сопровождавший Белль круглый год из-за её любви к прогулкам на свежем воздухе, вполне сошёл бы за цыганскую смуглость, оставалось добавить золотые серьги-кольца, браслеты и мониста – и образ готов. А уж со своими чарами фейри Белль могла бы внушить людям что угодно. Усмехнувшись перспективе сделать карьеру цыганской пророчицы, Аннабелль ускорила шаг.

– Яхонтовая моя! – цыганка средних лет преградила Белль дорогу и радостно затараторила, широко улыбаясь. – Перемены ждут тебя, бриллиантовая! Большие перемены!

– Дай ручку, нагадаю тебе жениха, красивого да богатого! – пообещала вторая, помоложе.

«И так имеющихся женихов некуда сбыть, куда мне ещё один», – подумала Аннабелль, резко уходя в сторону. Женщины дружным табором последовали за ней.

Белль ещё раз свернула направо и вниз, к ручью, и, когда уже поднималась на мостик, едва не столкнулась со старой цыганкой в чёрно-зелёном залатанном платье и хитро скрученной на голове чалме, из-под которой выбивались тёмные с сединой пряди.

Аннабелль отшатнулась. В руке у старухи была красная роза, белёсые мутные глаза не мигая смотрели вперёд.

– Предначертанное – да свершится, – глухо проскрипела она. – Прими свою судьбу, последняя фейри.

Белль стало не по себе, и она попыталась обойти старуху. Но та вновь преградила дорогу и, вцепившись Аннабелль в запястье ледяной рукой, заговорила:

– Сладкая, сладкая кровь! Создания тьмы придут, они близко! Маленькая фейри в опасности! Пусть роза укажет путь!! – Старуха казалась не в своём уме, её голос звучал надсадно и хрипло, как несмазанное колесо или карканье вороны в зимнее студёное утро, и под конец фразы сорвался почти на визг. Потом безумная пророчица вложила в ладонь Белль розу и наконец отпустила её руку.

Аннабелль отпрянула и опрометью бросилась через мост в сторону кафе «Клевер и фиалка». Она торопилась и не сразу заметила, что сжимает в ладони стебель розы, да ещё так крепко, что шипы расцарапали ей кожу до крови. Белль разжала пальцы, и маленькие ранки стали затягиваться, оставляя на пальцах лишь алые капельки, тонко пахнущие фиалками. В руке Белль красная роза расправила лепестки, и её аромат стал выразительнее. Аннабелль вспомнились алые розы, прорастающие сквозь могилу её друга, погибшего полгода назад в горах...

На работу Белль всё же опоздала, но всего на семь минут. Серебристые колокольчики на входе в «Клевер и фиалку» мелодично прозвенели. Мистера Льюиса не было видно, Роберт вышел из-за бара и принял у Белль её молочно-белое пальто и розу. Поставив цветок в вазу, Роб взялся приготовить для Белль чашечку её любимого лавандового рафа. Она присела за барную стойку, наблюдая за спорой работой парня. Вскоре кофе был готов, и Роб поставил кружку перед Белль.

– Красивая, – произнёс он, глядя на розу. Потом перевёл взгляд на Аннабелль, как всегда, густо покраснев.

Белль задумчиво коснулась пальцем стебля розы, провела перламутрово-розовым ноготком по одному из шипов, чувствуя взгляд Роба, зачарованно следившего за её движениями.

– Откуда она?... – робко поинтересовался коллега.

– Цыганка дала. – Белль не спеша сделала глоток рафа. – Сказала, эта роза укажет мне путь.

– Укажет путь?... – переспросил Роб, быстро взглянув на Белль.

– Да, – ответила она, улыбнувшись.

Роберт кивнул. Помолчав, он заметил:

– На гербе Спенсера красная роза.

– Ага, и волчья голова, – отозвалась Белль. – Повезло, что пророчица не вручила мне отрубленную волчью голову.

Роберт издал неловкий смешок, смутился и вновь робко посмотрел на Белль.

Минувшим летом Аннабелль едва ли не прописалась в замке Спенсера: большинство заказов из «Розы ветров», туристического агентства, в котором Белль работала гидом в летний сезон, были экскурсиями в Волчий Клык – некогда элфинскую резиденцию герцога Спенсера, а теперь памятник уолтерианской¹ эпохи, построенный, как и многие здания того времени, по типу средневековых замков. Аннабелль любила маршрут в долину Рйшты, и ей за него очень хорошо платили: он был самым популярным на Элфине, и многие туристы хотели сходить туда именно с Белль. И хоть двадцать девять раз за сезон – это всё-таки перебор, она бы не отказалась от ещё одного раза. Может, и найдутся желающие посетить замок, пока снег не выпал и не закрыл Волчий перевал.

Возле кафе раздались голоса, Белль допила раф, спустилась с высокого стульчика, повязала поверх лавандового платья зелёный фартук официантки и, кивнув бармену, пошла встречать посетителей.

В дни, когда у Белль были смены в «Клевере и фиалке», от народу не было отбоя: туристы, приезжавшие на Элфин, желали посмотреть на последнюю фейри. И жители Тёрнфилда, как могли, пользовались популярностью Белль для увеличения своих доходов: продавали сувениры с её изображениями, бижутерию в оттенках её брендового лавандового цвета, чай или еду, позиционируя их как её любимые. Аннабелль знала: устроившись два года назад в «Клевер и фиалку» официанткой, она помогла хозяину кафе, Джозефу Льюису, решить проблемы с долгами, ведь открыть кафе на Элфине было крайне затратно. Белль чувствовала благодар-

¹ Эпоха правления британского короля Уолтера Пендрагона (1807–1850).

ность мистера Льюиса, но часто ловила на себе его взгляд, в котором читалось недоумение: он не понимал, почему она вообще работает. Ведь стоило ей поманить пальцем почти любого мужчину – и тот сделал бы всё, что она пожелает. Но вместо этого первая красавица Элфина, Британского королевства и всего мира ловко собирала и разносила заказы, выслушивая упрёки от ревнивых женщин, а от мужчин – похабные комплименты.

Аннабелль работала много: летом – гидом, зимой – инструктором по горным лыжам, а в межсезонье – официанткой. Ей нужны были средства на переезд в Нью-Йорк, в который она влюбилась ещё в детстве по рассказам бабушки, и учёбу там в университете. Однако последнее, что она сделала бы ради денег, – прибегла к чарам фейри. Поступить так было бы нечестно и подло по отношению к людям. К тому же Белль знала: за то, что легко даётся, потом часто приходится платить вдвойне. Это была одна из тех истин, которые Белль усвоила от матери.

Телефон в кармане фартука вдруг будто стал тяжелее: Белль вспомнила, что до сих пор не ответила на сообщение, которое пришло ещё до начала смены. *«Если у тебя в этом году снова не получится с поступлением, – писала София Тэйлор, – ты можешь вернуться домой. На ферме всегда пригодится лишняя пара рук».*

Этот вечный снисходительный тон – как же он раздражал Белль! Мать считала глупостью желание дочери уехать в Нью-Йорк, а стремление заниматься наукой («...которой даже не существует!») – нелепой блажью. София Тэйлор обвиняла своего отца в том, что тот заразил Белль мечтами о путешествиях и учёбе. Аннабелль чувствовала: за раздражением матери прячутся страх за неё и забота, но ей хотелось бы ощутить вместо них поддержку и понимание. В детстве Белль нравилось весь день проводить в седле: скакать среди холмов, петлять по лесу, преодолевая барьеры в виде поваленных деревьев, читать, усевшись или улёгшись на спине у лошади, и между делом присматривать за неспешно жующими сочную траву овцами, дважды в день гоняя стадо на водопой. Но возвращаться к той жизни Белль определённо не собиралась.

Скоро придёт зима, и Торнфилд наполнится отдыхающими. Белль уже прикинула по броям: за зимний сезон она, получающая за услуги инструктора по повышенной ставке, накопит недостающую сумму и к началу марта сможет уехать.

Осталось всего четыре месяца, и она отправится учиться. В конце концов, что её здесь держит? «Фредерик...» – мелькнуло в мыслях. Но Белль уже распрощалась с грёзами о нём. Она уже не та девочка-подросток, которой была, когда влюбилась, и глупо продолжать мечтать о том, кто по-прежнему выбирает другую.

Сердце болезненно-сладко сжалось, когда Белль вспомнила его взгляд тогда, на кладбище... *«Взаимная любовь»,* – прозвучал в голове напевный голос бабушки, – *«вот истинный дар Лилит для каждого из своих детей».* С шестнадцати лет Белль думала, что по-настоящему будет счастлива лишь с Фредериком, но, возможно, считать так – ошибка. Возможно, она ещё не встретила того, кто станет её истинной любовью. Ей нет и девятнадцати – в таком возрасте даже у людей вся жизнь впереди, а она – фейри. *«Однажды ты встретишь того, кто будет достоин твоей любви, дочь Лилит»,* – вспомнились Белль слова крёстной. В тот день на кладбище, когда хоронили погибшего в горах Капкейка и других альпинистов, крёстная, конечно, заметила, с какой жадностью её подопечная смотрела на Фредерика, обнимавшего Камиллу.

Аннабелль вздохнула и, чтобы отвлечься от грустных воспоминаний, достала из кармана фартука телефон и написала: *«Спасибо за заботу, мама. Но у меня всё под контролем».*

Она поедет в Нью-Йорк и будет штудировать антропологию, этнологию, археологию, психологию. И раз нет науки, изучающей детей Лилит, Белль создаст её. Когда бабушка вернётся (а он обязательно вернётся – Белль не допускала никаких «если»), он сможет ею гордиться и наверняка захочет присоединиться к исследованиям.

Телефон коротко тренькнул: пришёл ответ от матери. *«Хорошо, дочь. Увидимся в День Всех Душ². От папы привет»*. Белль горько усмехнулась: мама упорно притворяется, будто у них нормальная семья, в которой отец признаёт существование младшей дочери и, может, даже любит её. Женившись на Софии Тэйлор, он взял её фамилию, ассоциирующуюся на Элфине с последним родом фейри, но дочь, родившуюся фейри, принять так и не смог.

Белль с тоской подумала про ежегодную поездку домой в День Всех Душ и вздохнула. *«Да, мама»*, – быстро напечатала Белль и убрала телефон в карман.

В этот момент до её слуха донёлся обрывок разговора молодых парней, грубый и развязный. Белль прислушалась: парни говорили на брамми³, а ей нравились разные языки, диалекты и акценты – точно приветы с разных концов мира.

– И чё, королевской семье норм, что невеста наследника престола разносит выпивку в какой-то дыре? – спросил первый.

Белль усмехнулась про себя: с тех пор как три года назад на Молочном балу⁴ она познакомилась с принцем Ричардом Пендрагоном (которому тогда было тринадцать), жёлтая пресса с удовольствием смаковала всякие подробности романа – а то и тайной помолвки – наследника престола с последней фейри. Что, разумеется, было неправдой. Более того – невозможно, ведь на браки членов королевской семьи с детьми Лилит ещё в конце восемнадцатого века наложил вето сам король Артур⁵.

– Дыра? – раздражённо проворчал второй парень. – Мы на поездку сюда три года копили.

Белль мысленно согласилась: называть дырой Торнфилд, курортный город на уникальном волшебном острове, было по меньшей мере странно.

– Джонни опять «Жёлтых листков»⁶ начитался, – насмешливо заметил третий. – Почему здесь не подают пиво? – риторически возмущился он.

– Никакая она не невеста наследника, Джонни, – поддержал третьего ещё один голос. – Ты башкой своей думай! – Раздался характерный звук, с каким стучат костяшками пальцев по лбу.

В этот момент дверь распахнулась, мелодично прозвонив входными колокольчиками, и Белль почувствовала до раздражения знакомый парфюм: кедр, тубероза, медовый мускус и корица. В «Клевер и фиалку» вошёл Гидеон Джонсон. Сын главного редактора «Торнфилд ньюз», а также самый надоедливый из всех поклонников Белль на Элфине, Гидеон оставлял чаевые, превышающие стоимость его заказа раз в десять. И как бы Аннабелль ни нужны были деньги, от Гидеона она их никогда не принимала – ни в виде чаевых, ни в виде банковских переводов, ни в виде стопки купюр в конверте, засунутом ей в карман пальто. Гидеон пытался подкупить Белль ещё со старшей школы и смотрел щенячьими глазками каждый раз, когда видел её.

Найдя взглядом Белль, Гидеон направился к ней. Он выглядел так, точно собирался на вечеринку миллиардеров: великолепный костюм цвета слоновой кости, стоивший больше, чем Белль зарабатывала в «Клевере и фиалке» за весну и осень вместе с чаевыми, запонки с бриллиантами, бабочка с вышивкой ручной работы. Каштановые волосы Гидеона укладывал один из лучших парикмахеров Лондона, которого мистер Джонсон ради сына уговорил переехать

² День поминовения всех усопших верующих и День мёртвых, ежегодно отмечается римско-католиками и другими христианскими конфессиями 2 ноября.

³ Бирмингемский диалект, на котором говорят многие жители английского города Бирмингема и некоторых его окрестностей.

⁴ Отмечается на Элфине 16 июня. Назван в честь чуда святого Элреда, который во время засухи и голода 1803 года кормил семьи первых поселенцев Торнфилда оленьим молоком, которое не заканчивалось. Традиционно на Молочный бал все одеваются в белое.

⁵ Основатель династии Пендрагонов, король Британии Артур Пендрагон (1784–1807).

⁶ Лондонская газета, в которой печатались сплетни, скандалы, слухи.

в Торнфилд и чьи услуги оплачивал по-королевски. Гидеон следил за собой ещё тщательнее, чем все знакомые парни Белль вместе взятые, и уже два года ходил за ней хвостиком, умоляя о свидании.

– Аннабелль... – начал Гидеон и смолк, точно забыл, о чём хотел спросить, жадно глядя на неё и едва ли не пуская слюни.

– Ты можешь занять свободный столик, Гидеон. – Белль заставила себя дежурно улыбнуться.

– Хорошо, – сморгнув, отозвался он и послушно пошёл к незанятому столику у клетки с канарейками.

Когда Белль вернулась к нему с меню, он, жалобно глядя на неё снизу вверх, выдал на одном дыхании:

– Ужин сегодня в «Королевской пристани» в восемь, приходи, пожалуйста!

– Ох, извини, Гидеон... – произнесла Белль, принимая расстроенный вид. – Сегодня Совет Основателей и потом... На сегодняшний вечер у меня уже есть планы.

«Реформы Ришелье сами себя не изучат», – подумала она. Это было значительно интереснее, чем ужинать в компании Гидеона.

Тот расстроено вздохнул и с новой надеждой спросил:

– А завтра?

– Завтра – семейный день, – ответила Белль. Последние несколько недель она только и мечтала наконец выбраться со старшей сестрой и племянниками на пикник к заливу Святого Элреда, а завтра как раз обещали хорошую погоду.

– А послезавтра?

– Послезавтра двадцать седьмое октября, – отрезала Аннабелль.

– Прости, пожалуйста, Белль, – смутился Гидеон и торопливо заказал брускетту с авокадо и зелёный чай.

Сегодня из-за своей ошибки Гидеон не досаждал Белль разговорами, только виновато следил за ней издалека. Аннабелль на самом деле вовсе не обиделась, она привыкла: большинство жителей Торнфилда предпочитало не вспоминать, что семьдесят лет назад двадцать седьмого октября были убиты почти все фейри-полукровки Элфина. Но ей и не нужно было сочувствие большинства: главное, чтобы самые близкие были рядом и поддерживали её. Конечно, Белль по-прежнему оставалась последней фейри, но она верила: однажды дедушка вернётся из Заповедника, и она больше не будет одна.

Аннабелль приняла очередной заказ и направилась к бару, как вдруг, сияя светлой улыбкой, к ней подбежала девочка лет четырёх в синем платье-матроске. Малышка обняла колени Белль, запрокинула голову и, улыбаясь доверчиво и восхищённо, выпалила:

– Я то же хотю быть «фейлино отлудье», как ты! – и прижалась щекой к ноге Белль.

Детский восторг и искренняя радость окутали Белль в кокон света и тепла. Ей захотелось погладить малышку по светлой голове и чмокнуть в румяную щёчку, но она не стала этого делать. Подбежала мама девочки и, пробуравив Белль злым взглядом, увела сопротивляющуюся дочку прочь.

– Сколько раз тебе повторять: к этой тёте подходить нельзя! – сквозь зубы внушала женщина всхлипывающей малышке, торопливо натягивая на неё пальто. – Давай руку! Ну что ты!... – женщина с силой всунула ручку дочери в рукав пальтишка.

– Я не хотю!.. – всхлипывала та.

– Всё, пойдём, – женщина подхватила плачущую дочь на руки и вынесла из кафе.

Сердце Аннабелль тоскливо сжалось, чувствуя обиду девочки и чёрную ненависть женщины.

Дети любили Белль и тянулись к ней как цветы к солнцу. Вот только их матери были, как правило, этому не рады. И каждый раз Белль было больно – не за себя, а за малышей, кото-

рые не понимали, за что на них накричали. Аннабелль подумала о своей далёкой прабабушке Амирэль – её, как и других первородных фейри, люди любили одинаково: и дети, и взрослые. Вся человеческая ненависть досталась полукровкам. Впрочем, по рассказам бабушки, так тоже было не всегда. Проклятие всё изменило.

Без двадцати пять Белль закончила смену и вышла из кафе, листая заголовки статей на сайте «Торнфилд ньюз»: *«Открытие „Зимней сказки“», «Часовую башню Дэвиса закроют на реставрацию», «Курорт „Эдельвейс“ готов к новому сезону», «Недавно открывшийся семейный ресторан „Крылья“ набирает популярность», «Розы в конце октября»*. Белль нахмурилась и нажала на последнюю ссылку. *«Сегодня утром горожане обнаружили большой куст красных роз возле моста через ручей Хэмпшира в квартале Пророчеств. Очевидцы утверждают, что куст появился между девятью и десятью утра...»* Белль заблокировала экран телефона и пошла к серебристо-серому роллс-ройсу, который уже ждал её возле кафе. Она расстроилась из-за роз: уже конец октября, скоро ударят морозы, и цветы погибнут. Ей было досадно, что она по-прежнему не может контролировать свои способности и что по-прежнему, вот уже пять месяцев, у неё получаются только красные розы.

– Добрый вечер, Аннабелль, – распахнув дверцу машины, поздоровался Энтони Чейз, личный водитель мэра. Он часто возил и Белль – ведь она, будучи последней фейри и символом Элфина, находилась под протекцией мэрии Торнфилда.

– Добрый вечер, мистер Чейз, – ответила Белль и села позади водительского кресла.

Выйдя у мэрии из машины, Белль по привычке надела перчатки, которые всегда лежали у неё в сумочке, и лишь потом вспомнила: неделю назад по приказу мэра все дверные ручки, среди которых были и железные, заменили на бронзовые. Мистер Купер объяснил это общественности дизайнерским решением – Белль не хотела напоминать всем, что железо опасно для фейри. Об этом в Торнфилде, конечно, и так знали, но это знание жило в виде легенды. Поэтому Белль могла получить, к примеру, в ресторане содержащие железо приборы скорее по случайности, чем из злого намерения, и ей хотелось, чтобы так и оставалось. Мистер Купер сначала возражал против такой скрытности, так как считал, что весь город должен оберегать последнюю фейри, но потом, случайно услышав разговор двух ревнивых торнфилдских дам, согласился с Белль.

Перед Советом Основателей Аннабелль зашла к миссис Марч, секретарше мистера Купера, – померить только что пришедшее от бренда Roxanne's платье для Хеллоуинского бала.

С основательницей бренда, Роксаной Уолт, Белль почти два года назад познакомил Кевин, её бывший одноклассник и лучший друг. Тогда Роксана, переживающая серьёзный творческий и финансовый кризис, приехала из Лондона в Торнфилд за вдохновением. И вдохновение, а позже деньги и славу ей вернуло общение с последней фейри. Белль тогда поучаствовала в создании новой коллекции платьев, вдохновлённой мифологией Элфина, а затем даже согласилась на фотосессию для продвижения бренда. Несколько месяцев её фотографии в нарядах от Roxanne's украшали обложки самых известных журналов моды, а телефон миссис Марч, указанный везде для связи с последней фейри, разрывался от предложений мировых дизайнеров одежды. Белль получила огромные гонорары за использование снимков с ней в прессе, но пристальное внимание общественности так испугало её, что все эти деньги она пожертвовала в детские дома по всей Британии и торнфилдский приют для домашних животных. Также Белль записала видео для соцсетей мэрии, что более не планирует сотрудничать с дизайнерами. Зато теперь вот уже полтора года Roxanne's присылали Белль платья к любому торжественному случаю совершенно бесплатно, и Роксана Уолт сразу дала понять, что отказа не примет. И Белль согласилась, чтобы сберечь городской бюджет, потому что мистер Купер никогда не экономил на её нарядах, а это обходилось Торнфилду недёшево.

Миссис Марч была у себя в кабинете. Негромко подпевая любимой джазовой песне, люющей из колонок, она протянула Белль большую бледно-сиреневую коробку, перевязанную бантом.

Одевшись, Белль оглядела себя в зеркале. Нежно-лавандовое платье струилось от талии до самого пола мягкими складками, красиво переливаясь при каждом движении. Расшитый бисером лиф с неглубоким декольте обтягивал тонкий стан. Длинные свободные рукава не скрывали изящества рук и заканчивались узкими манжетами, также украшенными бисером. Прохладная мерцающая ткань оттеняла золотистый загар Белль, делала выразительнее огромные карие, почти чёрные глаза. Только в такие моменты, как этот, Аннабель радовалась, что нечеловечески красива.

– И ещё сюда подойдёт жемчужное кольцо, – сказала миссис Марч, в задумчивости склонив голову набок. Её короткие, подстриженные под пажа и седые в белизну волосы чуть топорщились на макушке. Белль подумала, что этот хохолок отлично отражает неутомимый и весёлый характер миссис Марч, пережившей работу с пятью мэрами, двое из которых избирались на второй срок. – И, конечно, волосы в причёску, – миссис Марч приподняла собранные в тяжёлую косу каштановые волосы Белль, любуясь отражением в зеркале. – А, и туфли! – вспомнила она и, отпустив косу, пошла за другой коробкой.

Лавандовые босоножки на тонком каблукке с полупрозрачными бабочками на ремешках были восхитительны.

– Миссис Марч, они прелестны, – произнесла Белль, взяв одну босоножку. – Но я не могу их надеть, – вздохнув, она положила босоножку обратно в коробку. – Вспомните, что было на позапрошлый Рождественский бал...

– В тот раз у тебя было платье чайной длины, – возразила старушка. – И сейчас уже все помнят про штрафы.

Белль снова вздохнула и твёрдо сказала:

– Нет. Надену лодочки d'Orsay, которые купили к Молочному балу. А босоножки – это только людей дразнить.

– Значит, оставим на следующий раз, – решила миссис Марч.

– Едва ли к Рождеству что-то изменится, – вздохнув, возразила Белль. – Расстегните, пожалуйста, молнию, – и она повернулась к миссис Марч спиной.

Пока миссис Марч помогала снимать платье, Белль думала, что вряд ли когда-нибудь сможет выйти из дома в таких босоножках или в топе на бретельках, или в платье-комбинации, или короткой юбке. Каждый открытый участок её кожи для некоторых людей – как красная тряпка. Можно было бы, конечно, взять кого-нибудь из полиции в охрану, но зачем? К ней не позволят прикоснуться, но чужую похоть она всё равно будет чувствовать, а это ужасно неприятно. И ради чего? Белль обругала себя за то, что вообще об этом думает, надела своё закрытое лавандовое платье из джерси и, поблагодарив миссис Марч за помощь, пошла в зал заседаний.

Там уже собрались все члены Совета Основателей, кроме мисс Эбигейл Уэлш: крёстная Белль отлучилась на репетицию оркестра с хеллоуинской программой танцев. Мисс Уэлш, талантливая пианистка, давно не играла сама, и в этом году, как и в предыдущих, концертмейстером оркестра выступала одна из её учениц, которая, видимо, нуждалась в поддержке больше, чем Белль. А ведь сегодня на заседание снова явился судья Морган, чьё присутствие Белль переносила с трудом, и рядом с крёстной, источавшей величавое спокойствие, ей всегда становилось легче. Белль застыдилась и укорила себя за эгоизм: мисс Уэлш не обязана перестраивать свои планы из-за крестницы по первой же её просьбе. К тому же Белль умела и сама справляться со своей сверхчувствительностью.

Она расправила плечи, вскинула подбородок и, сконцентрировавшись на текстуре ткани своего платья, прилегающего к коже, на тяжести косы, лежавшей на спине, не позволила похотливым чувствам судьи Моргана проникнуть за её защитный барьер. Вот почему судья совсем не ценит жену?.. Она молодая, симпатичная, покладистая, души в нём не чаёт и недавно подарила ему сына, а он! Может, такие, как судья Морган, вовсе не способны любить, и чары фейри тут ни при чём? Не было бы фейри, нашёл бы другой объект для вожделения... Хорошо, что остальные мужчины в Совете искренне привязаны к своим жёнам, иначе Белль не вынесла бы эти собрания.

Пока все рассаживались по местам и обменивались приветствиями, мистер Джонсон выразил мэру восхищение новой статьёй его дочери. Марина Купер изучала психологию в Оксфорде и вот уже два месяца занималась исследованием так называемого элфинского синдрома. Суть синдрома состояла в том, что уехавший с Элфина человек годами продолжает скучать по нему, ища повсюду его частички и мечтая вернуться, но, вернувшись, обнаруживает, что его влечёт прочь, потому что остров за годы разлуки стал слишком тесен. Однако стоит уехать, и человека снова тянет обратно. Термин «элфинский синдром» появился в узких кругах ещё лет двадцать назад, но впервые изучить его и рассказать о нём научному сообществу решила Марина Купер в сентябре этого года. Её тут же забросали письмами со своими историями о взаимоотношениях с Элфином, создав большую базу для исследования. Белль вновь задумалась, а будет ли её тянуть домой, когда она уедет в Нью-Йорк?..

Мэр, польщённый оценкой мистера Джонсона, сердечно поблагодарил того. Он гордился дочерью и был рад, что теперь его чувства разделяют многие торнфилдцы. Затем он поприветствовал присутствующих и объявил Совет Основателей открытым.

Совет начался с обсуждения не самых интересных, но важных тем: количество запросов на туристические визы на Элфин, экспорт вина и сыров, требующий ремонта паром, необходимость после июньского землетрясения экспертизы вулканологов, участвовавшие сбои мобильной сети, украшение города к Хеллоуину.

Мистер Купер, мистер Свон, мистер Вуд и мистер Джонсон, как всегда, активно вступили в обсуждение; судья Морган не сводил с Белль глаз; Виктор Уайт и шериф Вольфген молчали, почти равнодушно наблюдая за беседой. Ледяное спокойствие Виктора Уайта и повышенная сосредоточенность шерифа нервировали Белль почти так же, как сладострастное внимание судьи Моргана.

– Площадь Перемирия в этом году украсят декораторы из Лондона, – сказал мэр. – Мистер Голдинг уже всё оплатил.

– Это тот, который спонсировал День города в этом году? – уточнил Питер Джонсон, главред «Торнфилд ньюз», и, пролистнув свой ежедневник, добавил: – И День осеннего равноденствия.

– И о котором нам ничего не известно, – заметил Джон Вуд и поджал губы.

Белль вспомнила, что отец Камиллы пытался узнать что-нибудь о мистере Голдинге после Осеннего равноденствия через свои адвокатские связи, но ничего не выяснил.

– Джентльмены, не всё ли равно, кто оплачивает праздник? – сказал судья Морган весело и подмигнул Белль.

Она отвернулась. Обритая наголо голова судьи, хищный прищур, самоуверенная улыбка, кривящая тонкие губы, и вся его высокая и мускулистая фигура вызывали у Белль отвращение. Она скучала по тем месяцам, когда судья Морган, после того как она поцеловала его, лишился возможности смотреть на неё, но ещё больше – по тем трём неделям, когда он вынужденно уехал в Плимут сопровождать жену на роды. Но вот теперь он вернулся, и всё началось сначала. В таких случаях, как этот, Белль досадовала, что действие поцелуя фейри заканчивается, стоит тому, кого поцеловали, уехать хотя бы на две недели.

– Меня тоже беспокоит этот загадочный спонсор, – после короткого молчания произнёс мэр, – и его связи при дворе. Поэтому мы не могли отказать ему. Так вот, декораторы разобьют аллею тыкв напротив мэрии...

Пока все обсуждали фотозону, фейерверки после бала, напитки и закуски, Белль отвлечённо смотрела в окно. Там совсем стемнело, и в небе зажглись звёзды...

Вдруг Белль услышала имя Фредерика.

– Камилла сказала, он куда-то уезжает? – спросил мистер Вуд у Виктора Уайта.

– Может быть, – холодно ответил тот.

– Ты что, об этом ничего не знаешь? – изумился мистер Вуд. – Он же твой младший брат! – В его упрёке звучали нотки негодования.

– Джон, ему не пять лет, – сухо напомнил Виктор Уайт. – Он давно передо мной не отчитывается.

Белль слышала подобные разговоры почти каждый Совет Основателей. Мистер Вуд определённо испытывал на прочность знаменитое уайтовское терпение. Кажется, он искренне считал, будто Виктор должен повлиять на своего младшего брата, который уже семь лет встречался с дочерью мистера Вуда, но до сих пор не женился.

При воспоминании о Фредерике её сердце снова сжалось. Взглянув на Виктора, Белль вновь подумала, как всё же не похожи братья Уайт друг на друга. Не только возрастом и внешностью: Виктору было сорок девять, а Фредерику – двадцать семь, старший был коренастый и среднего роста, а младший – худощавый и высокий; у первого были серые глаза и каштановые волосы, а у второго – русые волосы и зелёные глаза. Но самое главное заключалось в другом: спокойствие Виктора напоминало скованную льдом воду, у Фредерика же оно было похоже на мягкий плед, в который так приятно завернуться, когда за окном идёт снегопад, или на кружку горячего чая, о которую греешь руки и от каждого глотка из которой внутри разливается тепло.

Белль стало стыдно. Ещё в июне, после похорон альпинистов, она зареклась мечтать о чужом парне, но за прошедшие месяцы успела неоднократно нарушить данное себе обещание.

Белль снова взглянула на Виктора. Его сын Генри, открытый и улыбчивый, приходившийся Белль зятем, характером напоминал Виктора ещё меньше, чем Фредерик. При этом чаще именно Генри и Фредерика принимали за братьев – из-за внешнего сходства и небольшой разницы в возрасте.

– Аннабелль, сколько у тебя танцев с Гидеоном? – неожиданно спросил мистер Джонсон, вырвав её из задумчивости. – Вы такая красивая пара... – он слащаво улыбнулся.

Мистер Джонсон очень надеялся породниться с последней фейри и при любом удобном случае намекал Белль на такую возможность.

«Ведь прекрасно знает, что три», – устало подумала Белль, но, мило улыбнувшись, ответила:

– Кажется, два.

– Нет, три, – возразил мистер Джонсон. – Один с Молочного бала остался.

«Будь неладна эта мазурка», – промелькнуло в голове у Белль. Гидеон при всех своих недостатках ещё и отвратительно танцевал. Он путался в движениях, наступал партнёрам на ноги и, конечно, совершенно не мог вести. Поэтому-то, наверное, он и предпочитал танцевать с фейри, с которой даже хромым выглядел бы изысканным танцором. Так успокаивала себя Белль: ей не хотелось верить, что сынок главреда «Торнфилд ньюз» в самом деле всерьёз увлёкся ею.

– Ах да, точно, – согласилась Белль, сделав вид, будто вспомнила об этом только что. И тут встретила строгий взгляд мистера Купера: мэр отлично знал, что у неё прекрасная память.

Потом все вновь вернулись к обсуждению Хеллоуинского бала: последние штрихи в украшении столов; рассадка гостей, приехавших на бал с большой земли; стол для выпускников Торнфилдской школы, традиционно принимавших участие в Хеллоуинской вечеринке.

- Аннабелль, как ваш вальс с выпускниками? – спросил мэр. – Ребята готовы?
- Вполне, – ответила она. – Вчера была последняя репетиция, я всем довольна.
- Отлично, – кивнул мэр. – Теперь очень важный момент – безопасность на празднике.

Шериф, – мистер Купер повернулся к шерифу Вольфгену.

Белль было не по себе рядом с шерифом. Особенно после того, когда она из любопытства решила проверить именно на нём, правда ли аконит так губителен для варгисов. Дедушка рассказывал, что даже запах аконита для них опасен, его сок оставляет на их коже ожоги, в больших же дозах аконит может даже убить. Но шестнадцатилетняя Белль решила убедиться в этом сама и тайком принесла на Совет Основателей из Сумеречного леса стебель аконита, спрятав его в рукаве. Стоило шерифу войти в зал, глаза у него заслезились, от лица отхлынула кровь, на лбу выступила лёгкая испарина. Белль стало страшно стыдно, и она выскочила из зала, порвала растение и спустила его в канализацию, а потом тщательно отмывала руки от его сока. С тех пор Белль избегала смотреть на шерифа Вольфгена, боясь встретиться со взглядом его бледно-голубых глаз, сверкавших сталью из-под косматых бровей, и увидеть в них упрёк или угрозу.

- У нас в штате двадцать два полицейских, – сказал шериф, – пятеро из них, включая меня, – варгисы. Я уже обсудил всё с мэром и позвал для усиления ещё восьмерых из резерва.
- Какие-то проблемы, шериф? – спросил судья Морган, откинувшись на спинку кресла.
- Оливер, это меры предосторожности, – отозвался мистер Купер, так как шериф не посчитал нужным отвечать на вопрос судьи.

– В прошлом году мы как-то сумели обойтись без подкрепления, – напомнил судья Морган.

– Времена меняются, – ответил шериф Вольфген и смерил собеседника таким пронзительным взглядом, что тот поспешил отвести глаза.

Белль позавидовала таланту шерифа Вольфгена так уничижительно смотреть. При других обстоятельствах она бы рискнула попросить его поговорить с судьёй. Возможно, это помогло бы.

Вздыхнув, Аннабелль подумала, что раньше варгисы и фейри жили в мире, как и подобает детям одной матери. Но при Адаме Спенсере с молчаливого согласия варгисов ведьмы убивали фейри, и теперь их не осталось совсем, а варгисы оказались под проклятием. Белль всегда было интересно, в чём же заключается проклятие? От бабушки она знала (да и все в городе это знали), что варгисы потеряли волчью ипостась и стали менее сильными. Дедушка не любил говорить о том, какими варгисы стали после 1864 года. Белль чувствовала – это причиняет ему боль – и не расспрашивала.

Шериф вкратце объяснил, как будут осуществляться патрулирования по городу и охрана мэрии изнутри, но Белль особенно не вникала.

– И я по-прежнему рекомендую пить вербеновый чай, – добавил шериф. – Особенно тебе, Аннабелль. – Он перевёл взгляд на Белль, и та кивнула. Пить накануне Хеллоуина вербену было одним из заветов бабушки.

– От вампиров? – уточнил мистер Вуд.

– Их же не было в городе лет сто, – небрежно заметил судья Морган.

– Не сто, а восемьдесят три года, – педантично поправил мистер Джонсон. Вампиры были одной из его любимых тем накануне Хеллоуина. После ведьм, конечно. Об Айрин Бёрд, Верховной ведьме ковена Волчьей Звезды, с чьего приезда в 1861 году начались все беды Элфина, мистер Джонсон мог говорить часами. – И это в Торнфилде они давно не появлялись, но их видели в Париже в июне этого года.

– Париж далеко, – проговорил судья Морган расслабленно.

– Наступают предхеллоуинские дни, – возразил шериф. – Время, когда вампиры могут попасть на Элфин. Нужно быть готовыми ко всему.

Белль вспомнила одну из дедушкиных историй. Он рассказывал, что Айрин Бёрд и её ковен перед Хеллоуином в 1864 году провели в Торнфилде некий ритуал, завязанный на огнях лампад Джека, благодаря которым, по легенде, вот уже сто шестьдесят лет в конце октября ведьмы и вампиры, тёмные создания Х'гивхаты⁷, могли беспрепятственно пробраться на Элфин. Правда, они делали это лишь трижды за всё время, так что мало кто чувствовал настоящую угрозу.

И в этот момент Белль заметила взгляд шерифа Вольфгена, направленного на неё.

– Будь осторожна, Аннабелль, – произнёс он негромко, и Белль отчётливее ощутила его ауру – раскидистая ель на берегу горной речки будто коснулась веткой её плеча, повеяло лесной прохладой и запахло хвоей и мокрым песком.

Белль кивнула. Судья Морган, заметив, что утратил её внимание, не преминул снова подать голос.

– Я слышал, – он сделал паузу, ловя взгляд Белль, – что нашей прелестной фейри пришло платье из ателье. Хотелось бы увидеть его.

– Увидишь вместе со всеми на балу, – ответил мэр.

– Почему привилегии распространяются только на тебя, Дэн? – недобро сощурился судья Морган.

– Я тоже не видел Белль в этом платье, – возразил мистер Купер и попытался продолжить: – А что касается концертной программы...

– Не переводи тему, – перебил судья.

Мистер Купер вздохнул и спросил у Белль:

– Ты хочешь показать платье?

– Нет, мистер Купер, – ответила она с улыбкой.

– Ты слышал, – развёл руками мэр и вернулся к обсуждению концерта.

До конца заседания Совета судья Морган источал презрение к мистеру Куперу и не сводил глаз с Белль. Ей с каждой минутой становилось всё тяжелее выносить его присутствие – влажное и липкое, как паутина. Белль открыла складной нож и кольнула кончиком лезвия подушечку указательного пальца. Острая боль прогнала тошнотворные эмоции судьи Моргана, подарив освобождение. Незаметно вытерев выступившую капельку крови, Белль спрятала нож обратно в сумочку.

Под конец Совета мэра вызвали к телефону согласовывать мелкие детали приезда принца Элфинского. Все стали расходиться, и вскоре в зале остались только мистер Джонсон, Белль и судья Морган, который по-прежнему не отрывал от неё взгляда. Проходя к дверям мимо последнего, Аннабелль негромко произнесла ледяным тоном:

– Будете так на меня смотреть, я вас опять поцелую.

– Какая соблазнительная угроза, моя дорогая Аннабелль! – придержав её за локоть и склонившись к её уху, шепнул судья Морган в ответ. – Вот он я, перед тобой. Целуй.

Белль сбросила его руку и отступила к дверям. Конечно, она не собиралась целовать судью: пять месяцев назад она пообещала себе не целовать больше никого и была намерена сдерживать это обещание как можно дольше.

– Как будто вам нравится, когда вашей волей управляют, – проговорила она.

– Если это делаешь ты, моя дорогая, то я не против, – улыбнулся судья, сделав шаг следом за ней.

– А если я велю вам съесть свою ногу? – вскинув подбородок, осведомилась Белль.

– То я сделаю это с улыбкой на лице, – ответил судья Морган, придвинувшись ближе и попытавшись коснуться пальцами её щеки.

⁷ Х'гивхата – порождение дьявола, женское воплощение зла в мифологии Элфина, мать ведьм.

Белль отпрянула и выскользнула в коридор. «Надо было заставить его забыть о поцелуе, – в который раз упрекнула себя она. – Глупо было велеть ему лишь никому не рассказывать об этом».

– Может, тебя подождать? – спросил мистер Чейз, остановив машину возле супермаркета. Осенние прохладные сумерки уже сгустились в вечернюю тьму.

– Нет, спасибо, я прогуляюсь, – покачала головой Белль.

В дороге она решила приготовить на ужин пасту с грибным соусом, но у неё не было грибов и закончились сливки. Белль взяла всё необходимое и, прихватив пачку мюсли на завтрак, встала в очередь на кассу. Касса работала всего одна, поэтому очередь постепенно росла. Вдобавок ко всему одна из покупательниц начала спорить с кассиршей из-за четырёх пенни: мол, цены на полках не соответствуют тем, что ей пробили в чеке.

– ...странная, при её внешности – и столько пахать, – расслышала Белль позади себя. В тоне говорившей сквозило искреннее недоумение с оттенком осуждения.

Другая девушка пренебрежительно цыкнула:

– И что в её внешности прямо *такого*?

– Волосы шикарные! – в голосе первой прозвучали восхищение и зависть. – Я бы за такие кудри полжизни отдала! Зря она их в косу собирает...

– Обычные волосы, – фыркнула собеседница. – Была б она блондинкой или рыжей – другое дело. И глаза – карие. Пф!

– Нет, глаза красивые, – возразила первая девушка. – Такие большие!..

– Так у неё папаша наполовину итальянец, – ответила вторая. – Это просто генетика.

– Я б на её месте не работала, – мечтательно произнесла первая. – Вышла бы замуж за миллиардера и целыми днями отдыхала на яхте где-нибудь в Средиземном море...

Белль усмехнулась: чего-чего, а выйти замуж за богача и превратить свою жизнь в бесконечную сиесту она не хотела никогда. Можно отдохнуть, к примеру, год, целыми днями катаясь на яхте, загораая и попивая коктейли, но жить, ничего не делая, – это ведь ужасно скучно! К тому же будешь всё время чувствовать свою никчёмность и бесполезность. Жизнь феири длинная, поэтому в поиске своего места в мире ты можешь чуть ли не бесконечно учиться новому, каждый раз начиная хоть с самого начала и оставаясь при этом молодой и полной сил. Дедушка, например, владел семью языками, виртуозно играл на скрипке и гитаре, а его старший сын, дядя Майкл, тоже родившийся феири, с лёгкостью побеждал в международных соревнованиях по яхтингу, мотокроссу и скалолазанию.

Женщина с четырьмя пенни и кассирша наконец пришли к соглашению, и очередь вновь поползла вперёд.

Расплатившись, Белль убрала покупки в шопер и вышла из супермаркета. На улице было темно, зябко и вдобавок ко всему Аннабелль услышала голос Камиллы Вуд, разговаривающей по телефону. Прижав мобильник к уху и роаясь в сумке, она говорила кому-то, стоя возле своего бордового «Ред-жука»:

– Фред?.. Да я тебя умоляю – у него на уме одни цифры.

«Вообще-то, там есть ещё буквы и знаки препинания», – вспомнила Белль обычное возражение Фредерика на эти слова Камиллы и улыбнулась. Аннабелль никогда не могла понять, отчего многие, включая Камиллу, обвиняли Фредерика в отстранённости, безэмоциональности и любви исключительно к строчкам программного кода. Фредерик, может, и казался таким, но в том-то и дело, что лишь казался.

Аннабелль была не в настроении болтать с Камиллой и хотела тихонько пройти мимо, но та уже заметила Белль.

– О, привет, Белль! – воскликнула Камилла, убирая телефон в сумочку и выправляя из-под бордового шарфа длинные чёрные волосы.

В неверном приглушённо-оранжевом свете фонарей Камилла выглядела немного младше своих двадцати семи лет, а её резкие черты лица казались более мягкими: и угловатая челюсть, и острая линия скул, и тонкие дуги бровей над обведёнными чёрной подводкой глазами, и длинноватый нос. Каждый раз, глядя на Камиллу, Белль искала в её чертах недостатки и, конечно же, находила их. Но легче от этого не становилось.

– Привет, Кам, – ответила Белль и, надеясь, что разговор исчерпан, свернула в сторону, но Камилла остановила её:

– Ты не к Вики сейчас?

– Нет, домой.

– А я к ней. Могу тебя подбросить.

– Хочу пройтись, – вежливо отказалась Белль.

– Значит, увидимся завтра на пикнике, – сказала Камилла, закидывая сумочку на плечо.

– Увидимся, – кивнула Белль.

Вернувшись домой, Аннабелль первым делом приняла душ. Память назойливо подбрасывала неприятные моменты дня: хриплый голос старой цыганки, произносящий странные слова о созданиях тьмы, и острые шипы красной розы; злые слова женщины, выговаривающей своей плачущей дочери; тяжёлый парфюм Гидеона – кедр и тубероза; сальные взгляды судьи Моргана, голоса глупых сплетниц из супермаркета и снисходительный тон Камиллы – пусть всё это смоем водой.

«Нужно было сходить к сиренам...» – пришло в голову Белль. Сирены, тоже дочери Лилит, всегда оставались на её стороне, что бы она ни сделала, и после общения с ними Белль каждый раз чувствовала себя лучше. С ними её познакомил дедушка, и после его исчезновения сирены, как могли, поддерживали Белль.

После душа Белль ощутила некоторое облегчение, однако для готовки уже не было настроения. Она заварила вербеновый чай и вернулась с чашкой в комнату. Остановилась у комода, на котором рядком стояли фотографии. Когда она видела улыбку дедушки, пусть даже и на фото, ей тоже хотелось улыбнуться – будто ему в ответ. На душе стало ещё чуть-чуть легче.

Белль достала из деревянной шкатулки серебристо-голубой шейный платок и прижалась лицом к нежному прохладному атласу. Зажмурилась, вдыхая родной запах жимолости и можжевельника – запах, возвращающий её в беззаботное детство. В голове прозвучал мягкий голос дедушки, как он ласково звал её Оленёнком, Звёздочкой и Соколёнком... Вспомнилось, что именно дедушка придумал сокращать её имя на французский манер – «Белль», а не «Ана», как было принято в Англии.

Белль вздохнула. В детстве она не допускала и мысли, что однажды разлучится с дедушкой на долгие годы. Лавина, сошедшая на Долину Снов, распорядилась иначе. Белль было одиннадцать. С того рокового вечера четвёртого мая, озарённого красно-синими огнями вертолётных спасателей, её долго мучали кошмары. Во сне её заваливало тоннами тяжёлого снега вперемешку с камнями и льдом – ни шелохнуться, ни вдохнуть. Белль просыпалась в холодном поту. Звала дедушку. Ненавидела его за то, что бросил её. Плакала и ждала. Лишь спустя четыре с половиной года, после переезда в Торнфилд, ей стало лучше. Спокойнее.

Но летом этого года, тринадцатого июня, сошла новая лавина. В горах тогда был Фредерик, и кошмары вернулись. Но лавина не отняла Фредерика. Наоборот. Горы отпустили его: Таунара, ореада Загадочницы⁸, отвела от него беду и вместе с Фредериком передала этот платок – привет от дедушки. Теперь Белль знала точно: дедушка жив и в Заповеднике.

⁸ Ореада – горная нимфа; Загадочница – гора на Элфине, знаменитая своими аномалиями: с её склонов иногда пропадали люди, которые через несколько дней, недель или даже месяцев возвращались с нарушенным восприятием времени.

Она улыбнулась и коснулась нежного шёлка губами: теперь этот платок объединял в её сердце двух дорогих ей мужчин: дедушку и Фредерика. Белль убрала платок обратно в шкапу, включила на виниловом проигрывателе «Остров Блаженных» Наннерль Моцарт в адаптации Рахманинова для фортепиано. И открыла учебник истории.

Аннабелль полюбила этот предмет, когда в пятнадцать лет перевелась в Торнфилдскую старшую школу. Мистер Гибсон не только увлекательно рассказывал об истории Британского королевства и мира, но и очень глубоко разбирался в истории Элфина. Конечно, он не был, как дедушка, свидетелем многих значимых событий на острове, но иногда Белль об этом забывала. Когда мистер Гибсон с невероятным воодушевлением говорил о загадочном исчезновении (и вероятной гибели) драконов пятьсот лет назад, о засухе 1803-го, об Адаме Спенсере, о приезде Айрин Бёрд и её ковене, о гибели почти всех фейри в 1951-м, Белль казалось, будто он сам всё видел и слышал.

Но сейчас Аннабелль нужно было погрузиться во всемирную историю. На очереди были становление французского абсолютизма и политика Ришелье.

– «Подчинив своему влиянию короля Людовика XIII, кардинал Ришелье фактически безраздельно управлял страной», – борясь с подступающим сном, прочитала Белль вслух.

Весеннее солнышко нежно припекало, а зелёная лужайка в нескольких шагах манила сделать из травинки свистульку и сплести венок из клевера и фиалок. Пахло зеленью и цветущим шиповником, над кустом которого сонно жуужжала пчела.

– Интересная книжка? – спросила рыжеволосая девочка, подойдя к дереву, на корнях которого сидела Белль. По виду она была одного с Белль возраста – лет пяти-шести.

– Не очень, – призналась Белль. – Мне так хочется сейчас плести венок и играть!..

– Так пойдём, – улыбнулась девочка и протянула руку.

Они бегали по лужайке, собирая клевер, тимьян, лобелии, колокольчики, лютики, лесную герань, фиалки и львиные зевы, плели венки, примеряя их друг на друга, и заливисто смеялись – Белль, кажется, никогда не было так радостно и легко.

– Давай сорвём? – предложила она новой подруге, когда они обе остановились около раскидистого куста белого шиповника с нежными белоснежными цветами.

– Давай, – подруга радостно блеснула голубыми глазами.

Она первой шагнула к кусту и, осторожно сорвав хрупкий цветок, вдруг ойкнула.

– Ты укололась?.. – Белль обеспокоенно взяла подругу за руку. На большом пальце выступила капелька крови. – Больно?.. – с сочувствием спросила она.

Рыжеволосая девочка подняла на Белль глаза и, вдруг посерьёзнев, сказала:

– Тебе будет больнее.

В её голосе прозвучала глубокая печаль – не о себе, хотя это она уколола палец, а о Белль. Капелька крови коснулась краешка белого цветка, и он окрасился в ярко-красный цвет.

– Выдержишь? – глядя в упор, спросила девочка, и её голубые глаза наполнились слезами.

Аннабелль услышала треск доигравшей пластинки, подняла отяжелевшие веки и увидела перед собой корешки книг и страницу раскрытой тетради в клетку с конспектом, на которой лежала щекой. Шея затекла от неудобной позы, пальцы рук покалывало. Белль встала с кресла и потянулась. Оказалось, что на часах уже за полночь.

Белль не верила в сны, но в этом всё было как наяву: пение птиц, запах сочной травы и цветов, дуновение ветра и тёплые лучи солнца... И та девочка. Белль чувствовала её любовь, такую огромную, какую не мог вместить разум – никто на свете никогда не любил её так.

«Сны – небывалая комбинация бывалых впечатлений, – повторила себе Аннабелль заученную ещё со школьных уроков биологии формулировку. – Наверное, поэтому девочка показалась мне знакомой – будто я знаю её всю жизнь».

А ещё цветок шиповника, раскрасившийся в красный... Роза.

«Это цыганское пророчество с ума меня сведёт», – подумала Белль, переодеваясь в пижаму и забираясь под одеяло.

2. Золото Элфина

Серебристо-белый воздушный змей, распластав перепончатые крылья из плотной ткани, плавно скользил по ясному своду осеннего неба на едва видимой нитке. Белль жмурилась от яркого солнца, глядя, как трепещет длинный хвост. Блеснула жемчужная чешуя, дракон взмахнул крыльями и, сделав круг, пошёл на снижение. Утробное рычание разнеслось над пляжем, точно громовой раскат.

– Эйсуза?.. – выдохнула Белль и, проснувшись, села на постели.

Вспомнился вчерашний пикник с Уайтами у скалы Парус в заливе Святого Элреда, белый воздушный змей-дракон, которых в Торнфилде продавали на сувениры. Генри купил его, чтобы порадовать сыновей. Эйсуза давно стала легендой. Пятьсот лет назад она оказалась заточена в недрах Драконьего пика вместе со своим возлюбленным. Последние драконы Элфина... Может, они давно погибли, а может, однажды очнутся ото сна, вновь воспарят над островом, и всё станет как прежде. Как в дедушкиных историях.

Белль глянула на экран телефона, лежащего на прикроватной тумбочке. Начало восьмого. Двадцать седьмое октября. Семьдесят четыре года назад люди отравили семнадцать фейри. Всех элфинских фейри. Кроме одного. Джеймс Тэйлор чудом не оказался на той треклятой свадьбе и спасся. Но как дедушка пережил это, как не сошёл с ума от горя, злости и отчаяния?.. Ведь гибель самых близких страшнее собственной смерти. Особенно для фейри, остро чувствующих любые эмоции.

Аннабелль поднялась с постели, отёрнула плотные светло-лавандовые портьеры. Сквозь белый тюль виднелось низкое серое небо и кренящиеся от ветра полуобнажённые деревья. Кое-где возле домов и вдоль улиц люди уже развесили праздничные гирлянды, паутину и тыквенных Джеков, которые как будто кивали, раскачиваясь на ветру. Белль вздохнула. Захотелось вернуться во вчерашний день – тёплый, погожий, в окружении близких. Жаль, Фредерик не смог вырваться: опять работает. Но сегодня он же приедет?..

Позавтракав ягодным чизкейком и неизменным в эти октябрьские дни вербеновым чаем, Аннабелль вернулась в спальню и долго стояла перед платяным шкафом. Между рядами светлой одежды мрачным вороном среди тропических птиц висело на плечиках единственное обсидианово-чёрное платье. Белль надевала его лишь трижды: на похороны матери своего зятя Генри, на заседание Совета Основателей, на котором отменили Молочный бал в этом году, и на прощание с погибшими альпинистами на следующий день.

Белль вспомнился тот ясный вечер пятнадцатого июня, когда она вернулась после Совета Основателей и визита к принцу Элиоту в этом самом платье и неожиданно застала во дворе у дома Уайтов лучших друзей Фредерика – Джесси Ли и Аарона Крейга. Все трое больше двух суток считались пропавшими без вести и, возможно, погибшими под лавиной, сошедшей на базовый лагерь тринадцатого июня. Белль до саднящей боли в сердце боялась поверить и обмануться: значит, и Фредерик вернулся?..

Из глубины дома раздавались голоса. Аннабелль остановилась на пороге гостиной. Аарон и Джесси, забавно перебивая друг друга, рассказывали про поход, Генри слушал их, пока-

чивая младшего сына Алекса на коленях; старший Марк бегал по ковру с игрушечным вертолётником в руках. Фредерика Белль увидела не сразу: он сидел на диване в глубине гостиной, а у него на коленях расположилась Камилла.

«Отчего каждый раз так больно?..» – подумала Белль и отступила назад, в коридор.

Но замерла, услышав своё имя.

– Аннабелль, – раздался негромкий голос Фредерика. Он заметил её?..

Она шагнула вперёд и остановилась.

– Неужели ты хотела уйти, не поздоровавшись? – спросил Фредерик, и в голосе его звучал мягкий упрёк. Взгляд Камиллы свирепо сверкнул, но Белль было всё равно.

– Я... – медленно начала она, – очень рада, что ты вернулся, – и быстро вышла из гостиной.

Прислонившись спиной к стене, она закрыла лицо ладонями. Щёки её пылали. «Как подросток!.. – думала она, стыдясь саму себя. – Сбежала, как подросток!.. А что будет на ужине? Я просто не выдержу!..»

Вдруг в шуме голосов, доносившихся из гостиной, она услышала негромкий голос Фредерика:

– Почему Аннабелль в чёрном? У неё что-то случилось?..

– Она вроде помогала мэру в каком-то деле, – ответил Джесси Ли.

– Её друг погиб, – сказал Генри. – Кaleb Каппер.

– Как кейк? – переспросил Аарон.

– Да, – подтвердил Генри. – Он был в лагере вместе со своими туристами, когда сошла лавина.

– А мы с ним там не пересеклись... – растерянно проговорил Аарон. – Надо будет к его матери зайти...

– Они поднялись тринадцатого в полдень, когда вы были на восхождении, – ответил Генри.

– Ты никуда не пойдёшь! – раздался возмущённый голос Камиллы.

– Я всего лишь хочу выразить ей свои соболезнования, – возразил Фредерик.

– Это просто маскарад, они даже не дружили! Вот, смотри, фотка из мэрии. Это просто постановка!

Белль отогнала воспоминание и сняла платье с вешалки. Встряхнула. Сегодня подходящий для него день. Годовщина трагедии, отнявшей у неё всех родственников-фейри. И их смерть так и осталась неотомщённой. В груди тугим узлом затянулась злость, и Белль заставила себя перевести дыхание.

Спустя четверть часа Аннабелль стояла в прихожей перед зеркалом в полный рост и закрепляла шпильками закрученные в тугой узел ниже затылка густые кудри. Потом надела фетровую шляпу с широкими полями. Несколько выбившихся из причёски прядок змейками вились вдоль лица, падая на обнажённые ключицы в квадратном вырезе платья. Белль поправила бархотку на шее и, надев тонкие кружевные перчатки, оглядела себя в зеркале. Если бы она выбрала своими любимыми цветами чёрный и, к примеру, бордовый, то вполне могла бы пополнить ряды фейри из далёкого прошлого, что плели придворные интриги и свергали королей, вдохновляли лучших поэтов и разбивали им сердца. Впрочем, таких за всю историю Элфина было крайне мало.

Когда Белль вышла из дома, белоснежный внедорожник Уайтов уже стоял внизу. Усевшись на заднее сиденье, Аннабелль поздоровалась с сестрой и зятем. Вики улыбнулась в зеркало заднего вида. Её каштановые волосы были подстрижены под каре с чёлкой, за стёклами

очков в чёрной оправе блестели ярко-голубые глаза. Дедушкины. Вики была очень похожа на него. И характером тоже – счастливо лёгким, оптимистичным. А ещё Вики повезло родиться человеком. Белль отвернулась к окну. Машина плавно выехала на шоссе.

Сегодня Белль увидит Фредерика. Если он, конечно, придёт. Так странно, она ведь почти никогда не знает, что Фредерик чувствует, о чём думает. За несколько лет общения с ним она к этому так и не привыкла, ведь большинство людей не умеет сдерживать всплески своих чувств. Но Фредерик... Сквозь густое облако его доброжелательного спокойствия редко пробивались иные эмоции. Разве что в день похорон... Тогда, на кладбище, он...

Белль ощутила, как к щекам прилила кровь. Она зажмурилась, отгоняя возникшую перед глазами картину. Конечно, она тогда едва-едва не поцеловала его – ещё бы он не отреагировал! Другой на его месте побежал бы ей навстречу. А он всего лишь не мог отвести взгляда. Но это было так волшебнo!..

Аннабелль прижала ладонь к пылающей щеке и глубоко вдохнула, успокаиваясь. За окном мелькнул чёрный частокол высокой кладбищенской ограды. «Адервуд» – гласила кованая надпись над распахнутыми воротами. Возле них уже стоял бордовый «Ред-жук» Камиллы.

Камилла и Фредерик ждали за воротами. Пока все здоровались, Аннабелль с удивлением отметила: Фредерик, как и она, пришёл в чёрном. Вики – в тёмно-синем платье и пальто, Генри – в костюме цвета графита, Камилла – в бордовом платье и бежевом пальто, а Фредерик – в чёрном костюме и такого же цвета пальто. Белль подумала, что в этом образе он похож на героя готического романа с загадочным прошлым. Ей было приятно, что он тоже надел траур сегодня. Странно, но Камилла будто не замечала, что лишь они двое, словно договорившись, выбрали один и тот же цвет. Да и вчера Камилла сама предложила подвезти Белль до дома после пикника, и они замечательно проговорили всю дорогу. Про особняк Адер де Виль и его печальную репутацию, про смерти на Хеллоуин. Может, Камилла изменила своё отношение к Белль?..

В этот момент Камилла подошла ближе, поздоровалась и, сочувственно пожав Белль руку, сказала:

– Соболезную тебе, Аннабелль.

– Спасибо, Кам, – немного растерявшись, ответила Белль.

Она даже не сразу ощутила, что Камилла говорила не вполне искренне. Хотя доля сочувствия в её словах всё-таки была.

Затем Камилла отступила к Фредерику, и они зашагали под руку чуть впереди.

«Конечно, – подумала Аннабелль, наблюдая за ними, – легко быть доброй, когда у тебя и так есть всё, о чём только можно мечтать». Потом вздохнула: «О, Лилит! Какая же я жалкая!..» – расправила плечи и ускорила шаг. Белль – последняя фейри Элфина и подойдёт к могилам убитых родственников первой.

Братья дедушки – Александр вместе с детьми и Дэниел, тётушки и дяди, троюродные бабушки и дедушки – покоились в глубине кладбища, в самой северной его части. Обогнав остальных, Белль замедлила шаг, ступая между старых пихт и надгробных камней.

Несмотря на конец октября, могилы фейри утопали в цветах. Левкоях и гиацинтах, анютиных глазках и львиных зевах, барвинках и флоксах, колхикумах и васильках, шток-розах и гвоздиках. Нежный аромат смешивался с запахом хвои, палой листвы и влажной земли. Белль читала на потемневших от времени надгробьях имена фейри из рода Уильяма Тэйлора и первородной фейри Амирэль. Жизни шестерых из них оборвались двадцать седьмого октября 1951 года. Коул Тэйлор, его дочь Джезабель, её дочь Кристин; Стюарт Тэйлор, переехавший из Линденшира в Торнфилд за три года до трагедии; дедушкин младший брат Александр и его двадцатилетняя дочь Анна... А сыновья Александра, Корвин и Марк были людьми и умерли позже, дожив свой человеческий век в Германии. Они не смогли остаться на Элфине после

случившегося. В Мюнхене у них родились дети, а затем и внуки, и правнуки, но все они были просто людьми.

Аннабелль прошла к благоухающим цветами могилам Ламбертов и Льюисов: оба рода прервались в 1951-м. Возможно, лишь шестнадцатилетняя Аннабелль Ламберт была всё ещё жива: летом 1951-го она уехала погостить к дяде в Лондон и, разумеется, не захотела возвращаться на Элфин после трагедии. Больше о ней ничего было неизвестно, но Белль хотелось верить: её тёзка из рода Ламбертов жива, хоть, по официальным данным, в мире не осталось больше фейри, кроме самой Белль. Даже Эмбер Найтингейл, знаменитая охотница на вампиров, которая часто исчезала и потом неожиданно возвращалась, уже четыре месяца считалась погибшей. Хотя в её смерть верили далеко не все.

Белль вспомнился полароидный снимок, на котором была запечатлена красавица с густыми рыжими кудрями и в коричневом корсетном платье до колен, удлинённом сзади. Она улыбалась, вскинув на плечо массивную секиру, слишком массивную для её хрупкого на первый взгляд тела. С этой секирой Эмбер не расставалась никогда – ею она рубила головы вампиров. Фото сделал дедушка в 1988 году, когда Эмбер приезжала погостить на Элфин. «Она пахла астрами, осенним садом, – рассказывал дедушка, – была умной и самоотверженной и смело бралась даже за самые сложные задачи, чаще всего находя нужное решение». Ей было больше трёхсот лет, она пережила шестерых мужей, родила и воспитала четырёх детей – несказанно много для фейри. Где она сейчас? Умерла? Убита? Или затаилась и выжидает идеального момента, чтобы уничтожить последних вампиров?

Вздохнув, Белль прошла к могиле Вероники Льюис. По спине мазнуло холодом: Веронике было всего пятнадцать... Как же надо было ненавидеть фейри, чтобы хладнокровно убить ребёнка!

Люди так боялись подвергнуться внушению фейри, что легко поверили клеветническим речам чуть ли не первого встречного. Преподобный Джулиан Красовски был, безусловно, превосходным оратором, но как ему удалось меньше чем за полгода настроить треть жителей Торнфилда против семей фейри?..

С какой лицемерной благожелательностью заговорщики относились к фейри, втайне обдумывая их убийство! Когда Блэки пригласили на свадьбу чуть ли не полгорода, включая и все семьи фейри, последние, несмотря на свою магическую эмпатию, ничего не заподозрили. В детстве Белль не могла понять, как же так вышло?.. Дедушка полагал, Красовски внушил своим последователям: убивая нелюдей-фейри, они делают благое дело, и те искренне в это поверили. И как несправедливо, как больно, что Джулиан Красовски и другие заговорщики – Блэки, Вильямсоны – так и не понесли наказания! Они просто уехали! В последний раз их видели на берегу в ожидании утреннего парама.

Когда тогдашний мэр (отец судьи Моргана) вместе с другими членами Совета стал разбираться в произошедшем, никого из зачинщиков найти не удалось. Поэтому все обвинения повесили на Галлахеров – ведь именно в их винодельне приготовили отравленное железом вино «Сладкие мечты», которое убило фейри: его подмешали во все напитки на праздничном столе, и никто из фейри не учуял яда, для людей же оно было безвредным. Супругов Галлахер приговорили к пожизненному заключению и увезли с Элфина, а Уайты стали монополистами в торговле вином в Торнфилде. Некоторые тут же обвинили Уайтов: мол, они подставили Галлахеров, устраняя конкурентов. Белль, конечно, не знала дедушку Фредерика и Виктора, но ей не верилось, что он мог совершить такое. Или она просто не хотела верить в это. В конце концов, правды уже не узнать.

– Мисс Тэйлор, – негромкий голос преподобного Мэтью Ричардсона вырвал Белль из задумчивости.

Для мужчины у него был на удивление высокий голос, но он отлично гармонировал с его обликом: священник был невысок, что выдавало в нём приезжего, и аскетически худощав; одет, как всегда, с безупречным вкусом в чёрное.

– Здравствуйте, преподобный, – Белль встретила с его серо-голубыми глазами. – Спасибо, что пришли. Это очень важно для меня.

– Быть здесь, среди могил несправедливо убиенных фейри, важно и для меня, Анна-белль, – ответил преподобный.

Неподалёку послышался голос мэра. Вскоре мистер Купер, Вики, Генри и Фредерик с Камиллой появились из-за деревьев и подошли к стоящим у могил Белль и священнику.

Высокий голос преподобного Мэтью Ричардсона, читающего поминальные молитвы, одиноко звучал в тишине кладбища – лишь ветер в ветвях пихт вторил ему.

– Боже, Господь милосердный, – начал священник, – вспоминая годовщину смерти рабов Твоих... – он повернулся к Белль, чтобы она назвала имена погибших родных.

– Александра, Стюарта, – стала перечислять Аннабелль имена погибших фейри из рода Тэйлоров, – Коула, Джезабель, Кристины, Анны... – Затем она повернулась к могилам Льюисов и Ламбертов и назвала их имена тоже.

– ...просим Тебя, – продолжил преподобный Мэтью Ричардсон, – удостой их места в Царствии Твоём, даруй благословенный покой и введи в сияние славы Твоей.

– Аминь, – произнесла Белль, а за ней и все остальные.

Уходить с кладбища не хотелось. Аннабелль с детства нравились тишина и спокойствие, царившие здесь. Раньше она часто бывала тут с дедушкой.

Потемневшие от дождей и ветров скорбящие каменные ангелы, мраморные надгробья, тонущие в зарослях жухлой травы, и усыпанные листьями могилы в окружении тёмных пихт – всё это вызывало щемящее чувство грусти и странное ощущение уюта, особенно сейчас, в конце октября.

Аннабелль двинулась к восточной части кладбища. Там росло коренастое невысокое деревце, усыпанное канареечно-жёлтыми яблочками, которые будто освещали это пасмурное осеннее утро живым огнём. Яблоки пахли горным мёдом, жарким разнотравьем и ключевой водой. Казалось, закроешь глаза – и окажешься в тёплом июле. Этот сорт назывался «Золото Элфина». У Белль с дедушкой была традиция – на годовщину смерти фейри собирать эти яблоки и печь пирог. Белль сорвала семь яблок и сложила их в сумку.

Затем она отправилась навестить могилу погибшего в горах друга. Как бы ни злословила Камилла, они с Капкейком действительно дружили. Благодаря ему Белль стала гидом и после его гибели всё лето на маршрутах вспоминала о друге. Как же часто бывает, что пока человек жив, общение с ним кажется таким обыденным и будто вовсе не ценным, но стоит ему умереть...

Генри захотел навестить могилу матери, Вики, конечно, пошла с ним. Камилла сказала, они с Фредериком тоже присоединятся; мистера Купера срочно вызвали в мэрию, и Аннабелль пошла к могиле Капкейка одна.

Вскоре Белль увидела большую мраморную плиту в окружении кустов роз: они цвели всё лето, а теперь засохли. «Калев Эндрю Каппер. Сын, друг, гид» – было выбито на плите. И даты рождения и смерти. Жизнь отмерила ему всего ничего – двадцать четыре года. Слишком мало.

Гроб Калеба был полон белых роз. Его лицо, всегда красное от безжалостного к белокожим людям горного солнца, сейчас напоминало светлую безжизненную маску; рыжие волосы, обычно торчащие из-под красно-чёрного баффа⁹ в разные стороны, сейчас были аккуратно

⁹ Бафф – одёжный аксессуар, который представляет собой длинную трубу из ткани. Он способен легко трансформиро-

расчёсаны на пробор. Чёрный смокинг смотрелся на его теле неуместно, чужеродно. Кaleb был совершенно на себя не похож – совсем не тот весельчак Капкейк, который травил старые туристические байки, мешая их с пошловатыми анекдотами.

«Наверное, в морге ему заново нарисовали лицо, – подумала Белль. – После лавины едва ли кто мог выглядеть нормально».

В руку Белль кто-то вложил стебель белой розы, и она бережно опустила цветок в гроб, на грудь Калеба.

– Покойся с миром, – шепнула она и отступила.

Через некоторое время гробы с погибшими заколотили и опустили в могилы. В каждую преподобный Мэтью Ричардсон бросил по горсти земли; затем его сменили члены Совета Основателей. Аннабелль вынула из вазы ещё одну белую розу. Сжала стебель, вонзая в ладонь большой шип. Тонкий запах фиалок смешался с ароматом роз, кровь по капле заструилась по руке. Белль продолжала сжимать цветок, не давая ране зажить. Пульсирующая боль успокаивала, позволяла сосредоточиться на собственных ощущениях и не давала провалиться в глубокую безысходную тоску, разливавшуюся по кладбищу.

Мистер Купер, бросив на последний гроб горсть земли и розу, отошёл. Вскоре из всех членов Совета у могил остались лишь Аннабелль и мисс Уэли. Белль удивилась, увидев крёстную на кладбище: та всегда их избегала. Стройная, с безукоризненной осанкой, в неизменном чёрном платье и в чёрной шляпке поверх густых серебристых волос, убранных в причёску, она задумчиво глядела сквозь тёмную вуалетку. Зачерпнув земли, бросила на крышку гроба. Обернулась к Белль, пропуская вперёд. Белль вновь подумала: несмотря на седины, мисс Уэли нельзя было дать и сорока пяти, хотя по рассказам дедушки Белль знала: крёстная гораздо старше.

Неожиданно Белль вновь ощутила взгляд крёстной: та смотрела на клатч. Белль опустила глаза: из него виднелся краешек дедушкиного шейного платка, который перед самыми похоронами ей отдал Фредерик, передав просьбу Таунары сохранить всё в тайне. Мисс Уэли подняла глаза на крестницу. Белль не знала, что сказать, если крёстная спросит, не дедушкин ли это платок?..

Белль кинула на гроб Капкейка свою розу. Почувствовала, как рана на ладони тут же стала медленно затягиваться. Потом подняла ком земли и тоже бросила: он со стуком ударился о крышку. Другой рукой Белль незаметно спрятала край платка поглубже в клатч и отступила от могил.

Мисс Уэли встала рядом, заставив Белль напрячься, и спросила:

– Как ты себя чувствуешь, Фиалка? – В её голосе звучали лишь забота и лёгкое беспокойство. – Выглядишь бледной.

– Всё хорошо, крёстная, – улыбнувшись, ответила Аннабелль, у которой сразу отлегло от души.

Может, мисс Уэли всё-таки не узнала платок дедушки? Конечно, он носил его почти всегда, но крёстная жила в Торнфилде, и с дедушкой они виделись нечасто. Может, она просто удивилась, зачем Белль взяла платок с собой на кладбище? А если и узнала, то все равно едва ли ей известно, что дедушка был в нём в тот роковой майский день.

Аннабелль стала наблюдать за людьми, подходящими к могилам проститься. Но едва от раны на ладони осталось лишь небольшое пятно засохшей крови, человеческое горе, как цунами, вновь подступило к сердцу. Белль казалась себе хрупкой лодочкой, которую бесконтрольно несёт по штормовым волнам чужого отчаяния и тоски. Дышать стало трудно, в голове застучало, гортань свело от подступивших слёз. Хотелось закричать.

Шестеро мужчин взяли за лопаты – засыпать гробы. Люди продолжали подходить проститься. Среди них Белль увидела Фредерика и прильнувшую к нему Камиллу. Фредерик, державший в руке розу, смотрел, как комья земли летят в зияющую пропасть могилы. Он был так задумчив и сосредоточен, что Белль позволила себе смотреть на него дольше обычного. Лишь один его облик умирал внутри неё шквал чужих эмоций, позволяя сконцентрироваться на собственных ощущениях: на разливающемся внутри океане тёплого спокойствия и распускающемся чувстве непостижимой нежности. И тогда людские боль и страдания, которые Белль ощущала каждой клеточкой своего тела, отступили. Как же ей хотелось, чтобы Фредерик просто был рядом и не нужно было думать о чувствах Камиллы и мнении окружающих!..

Фредерик высвободился из рук Камиллы, прошёл к почти засыпанной могиле Капкейка и опустил в неё розу. И вдруг поднял голову, встретившись взглядом с Аннабелль. У неё перехватило дыхание, но она не отвела глаз. Время будто замедлилось, и всё вокруг стало неважным для Аннабелль, словно на свете остались лишь Фредерик и она.

«Что, если я его поцелую? – мелькнула безумная, сладостная мысль. – Когда все разойдутся, я окликну его, он обернётся... и я его поцелую. И он станет только мой, только я буду в его мыслях и желаниях...»

Но Аннабелль тут же ужаснулась этой мысли, поспешно отвела взгляд, чувствуя, как кровь приливает к щекам: «Нет! Я никогда не поступлю так!..»

Белль не нужна одержимость Фредерика, вызванная магией. Ей нужна его любовь.

«Этим поцелуем я могла разрушить всё хорошее, что есть между нами», – с ужасом осознала Белль. Лучше довольствоваться дружбой, но настоящей. Из-за чар в её жизни и так немного подлинных чувств. А симпатия Фредерика к ней искренняя. Безрассудно пренебрегать таким даром. Может быть, однажды эта симпатия станет чем-то большим.

Вдруг Аннабелль снова почувствовала присутствие мисс Уэли. Повернула голову и увидела крёстницу, наблюдавшую за Фредериком, который вместе с Камиллой отходил в сторону от могил.

– Однажды ты встретишь того, кто будет достоин твоей любви, дочь Лилит, – голос мисс Уэли прозвучал совсем тихо – эти слова предназначались лишь Белль.

Белль было горько слышать эти слова, хотелось возразить: ей не нужен никто другой! Но, помолчав, Белль спросила:

– А если я больше не смогу... полюбить?..

– Никто не властен над уготованной ему судьбой, – задумчиво проговорила мисс Уэли. – Но в твоих руках судьба Элфина.

– Элфина? – переспросила Белль в недоумении. И заметила с улыбкой: – Сегодня вы снова говорите загадками, крёстная.

– Скоро ты будешь вспоминать всё это, – мисс Уэли оглядела могилы, толпящихся возле них людей и Фредерика, обнимавшего одной рукой прижавшуюся к нему Камиллу, – как сон, – она смолкла.

Аннабелль повернулась к крёстной спросить, что значат её слова, но обнаружила: той больше нет рядом.

Люди продолжали расходиться. Ушёл и Фредерик, увлекаемый Камиллой. А Белль всё стояла в задумчивости у могильных холмов и смотрела, как сквозь них, разрывая рыхлую свежую землю, прорастают колючие стебли, а на них раскрываются ярко-алые розы.

Вдруг ощущение дежавю заставило Белль прийти в себя. Она обернулась, почувствовав присутствие. Фредерик.

– Ты как? – негромко спросил он.

– Нормально, – ответила она, заставив себя улыбнуться.

– Точно?.. – он указал на могилу Капкейка.

Безжизненные сухие стебли выпрямились, зазеленели и распустились красными розами, которые чуть покачивали прелестными головами в такт порывам осеннего ветра.

Белль вздохнула.

– Может, однажды, – проговорила она, – я научусь выращивать что-то, кроме красных роз, – и невесело усмехнулась.

– Скоро за тобой начнут охотиться цветочники, – сказал Фредерик. – Ты, кажется, научилась генерировать розы из воздуха.

– Нет, на самом деле, в могиле Капкейка изначально были розы, – возразила Белль. – Просто белые.

– Я про розовый куст в квартале Пророчеств, – ответил Фредерик.

Она быстро взглянула на него:

– Надеюсь, не все такие догадливые, как ты.

– Думаю, мы сможем отвалить назойливых торговцев, готовых отдать тебе все деньги за волшебные розы, – подмигнув, улыбнулся он.

– Вовсе они не волшебные... – возразила Белль и смущённо отвернулась.

Все попытки Белль отпустить Фредерика, забыть и жить дальше развеивались, как утренний туман, стоило ему оказаться рядом. Может быть, она и жестока, что влюблена в него. Но тогда и ему не стоило приходить сегодня в чёрном и вновь дарить Белль надежду на то, что она важна для него.

Через несколько минут они направились к выходу. Ветер усиливался, пихты поскрипывали, раскачиваясь, а небо ещё сильнее потемнело: скоро начнётся ливень. Однако Белль по-прежнему не хотелось уходить с кладбища. Она старалась не думать об этом, но рядом с Фредериком ей стало ещё уютнее, и она была готова бродить среди могил и надгробий до самой темноты.

Они вышли с тропинки на дорогу, ведущую к воротам. Справа раскинулась лужайка клевера. Белль наклонилась, чтобы сорвать четырёхлистник – она всегда находила их, если хотела. В её руке поблёкший стебелёк вновь стал зелёным, душисто пахнущим июльским сенокосом.

– Держи, – она протянула клевер Фредерику.

– Оставь себе, – покачал головой тот. – Отдавать четырёхлистный клевер – дурная примета.

– С каких пор ты веришь в эти глупые суеверия? – рассмеялась Аннабелль. – К тому же я фэйри: удачливость – наша сильная сторона.

– Если бы это было так, – возразил Фредерик, – мы бы не собрались здесь сегодня.

К сожалению, он был прав, и Белль кивнула.

– Просто знаешь... – задумчиво произнесла она минуту спустя, – Генри сказал, ты работаешь над каким-то секретным проектом, который очень важен для тебя. Я хочу, чтобы у тебя всё получилось, – и, улыбнувшись, она вновь протянула четырёхлистник Фредерику.

– Спасибо, – ответил он и на этот раз принял подарок, едва коснувшись её пальцев.

До слуха Белль донеслись голоса Вики, Кам и Генри, и вскоре все трое показались на дороге, вынырнув из-за деревьев. Раздался раскат грома, и с неба сорвалось несколько капель. Пора было уезжать.

Аннабелль любила белый дом Уайтов, построенный в конце пятидесятих годов девятнадцатого века в стиле александрийского¹⁰ рокайля. Хотя сам стиль ей был не близок: она пред-

¹⁰ Эпоха правления Александра I Пендрагона (1850–1879): рокайль – существующий и за пределами Элфина архитектурный и декоративный стиль, отличающийся изысканной сложностью форм и причудливым орнаментом (преимущественно в

почитала более простые формы, ей нравились классицизм и эклектика, а особую любовь Белль питала к колониальному стилю, с его лёгкими конструкциями из дерева и камня, этническими орнаментами и обилием света.

Снаружи особняк Уайтов (именно так он и обозначался в туристических путеводителях) выглядел, как и подобает дому своей эпохи: асимметричная композиция и ломаная линия фронтонов с вазами и скульптурами; роскошная лепнина с мифологическими мотивами; полуциркульные окна, украшенные наличниками; опоясанная балюстрадами крыша, арочные проёмы дверей. По семейному преданию, Герберт Уайт, активно занимавшийся тогда развитием винодельного бизнеса на Элфине, дал денег Жану Гийому, знаменитому французскому архитектору тех лет, чтобы тот построил ему дом. Гийом и построил самый модный на Элфине дом в стиле господствовавшего тогда рокайля. Герберту дом не очень понравился, но его жена пришла в восторг, поэтому Уайты поселились там. Но уже сын Герберта избавился от роскошных фресок, тяжёлых люстр и громоздкой лепнины внутри дома. Сейчас интерьер особняка Уайтов совершенно не напоминает роскошество александрийского рокайля – всё было минималистично, современно и практично.

Вернувшись с кладбища, Аннабелль поднялась в свою сиренево-белую комнату переодеться. Здесь она жила, когда училась в старших классах торнфилдской школы. А теперь иногда ночевала, когда засиживалась у Уайтов.

Переодевшись в белую батистовую рубашку и любимый сарафан из бледно-лавандового льна, Белль уже хотела пойти в кухню печь пирог, но замерла у двери, выцепив в шуме голосов слова Камиллы:

– Я честно пыталась быть милой с ней, раз уж Фред попросил. И я правда сочувствую ей – такой день... Но зачем он пошёл на могилу Калеба? С ней!

– Капкейк, вообще-то, был другом и Фредерику, – напомнила Вики. – Они вместе ходили на альпинистские сборы.

– Всё равно, он мог бы пойти туда позже, а не вместе с ней! – раздражённо не согласилась Камилла. – И почему они оба пришли в чёрном? Как ты *это* объяснишь? Они как будто договорились! Фред не мог так поступить за моей спиной!

– Я уверена, что они на договаривались, Кам, – негромко возразила Вики. – Просто Фредерик решил её поддержать.

– Поддержать? – переспросила Камилла. – А почему мне не сказал? Я бы тоже поддержала, тоже надела чёрное платье!

– Или это случайность, – аккуратно предположила Вики.

– Какая случайность, если у Фреда и чёрной одежды-то почти нет! – возразила Камилла. – Рубашку он точно купил недавно.

– Прости, Кам, но я не понимаю, к чему ты клонишь.

– К тому, что... – Камилла смолкла на секунду. – Генри ведь *так* не поддерживает её?

– Кого? – слышался голос Генри.

– Белль, – пояснила Вики.

– Почему это я не поддерживаю? – удивился Генри. – Семья ведь для этого и нужна.

– Но ты не пришёл сегодня в чёрном костюме, – сказала Камилла.

– Да, – расстроено ответил Генри. – Мы с Вики что-то не догадались.

Белль вздохнула и, толкнув дверь, вышла из комнаты.

В кухне никого не было. Аннабелль собрала волосы, повязала фартук и по привычке опустила руку в карман.

Когда ей было девять лет, она вместе с мамой сшила свой первый фартук. Для кармашка она выбрала ткань, гладкую с одной стороны и мягкую и пушистую – с другой. Мама считала, что эта ткань не подходит для хлопкового фартука, но дедушка, как всегда, поддержал любимую внучку. Белль пришила кармашек пушистой стороной внутрь, и ей очень нравилось засовывать в него руку – зажмурившись, она представляла, будто гладит котёнка. Потом, конечно, Белль выросла из того фартука, но привычка осталась.

Когда ей было шестнадцать и она только начала готовить с Фредериком, часто гостившим в семейном доме, он заметил эту привычку и стал прятать в кармашек её фартука конфеты. Белль каждый раз, нащупав конфету, приходила в восторг и пыталась угадать, с чем она будет.

Сегодня карман, конечно, оказался пуст, но Белль улыбнулась, вспомнив о беззаботном прошлом.

Достав муку из шкафчика, Аннабель подумала, вот бы Фредерик заметил, что она готовит пирог, и присоединился... Не это ли она загадала, срывая медовые яблоки с отяжелевших под их грузом веток на кладбище?..

Раздались шаги Марка – лёгкие, бойкие, под стать пятилетнему мальчишке.

– Что ты делаешь? – спросил он, прижимаясь щекой к бедру Белль.

– Собираюсь готовить яблочный пирог, – улыбнулась она и достала сахар.

– Ух ты, мой любимый пирог! – обрадовался Марк и убежал – наверняка чтобы сообщить радостную весть брату.

А затем Белль слышала другие шаги. Те, которые так ждала. Фредерик вошёл в кухню.

– Значит, яблочный пирог? – спросил он.

Остановился возле блюда с яблоками. Взял одно.

– «Золото Элфина», – проговорил Фредерик. – Редкий сорт. Где ты их нашла?

– На кладбище, – ответила Белль. – Всё дерево усыпано яблоками, никто не собирает. Присоединишься? – спросила она, кивнув на стол, где приготовила всё необходимое для теста.

– Конечно, – ответил он.

И Белль завороченно проследила, как он обстоятельно снял запонки, убрал их в карман, потом закатал рукава и надел фартук.

– Займись тестом, а я порежу яблоки, – сказала Белль.

Фредерик невозмутимо кивнул, ловко разбил несколько яиц, взбил их с сахаром и ванилью. Такие знакомые движения, как Белль по этому сучала...

– La cannelle, s'il te plaît¹¹, – попросил Фредерик, по привычке переходя на французский и, не глядя, протянул ладонь.

– Tenez, chef¹², – улыбнулась Аннабель, вкладывая в его пальцы чашку с молотой корицей.

Как будто они готовили вместе только вчера...

– Ты знаешь, – помолчав, Фредерик обернулся на Белль, – когда я стал готовить с тобой, заметил, что не знаю многих слов на английском. – Он снял со стены половник. – Вот, *louché*. С неё всё началось, – он усмехнулся.

– С поварёшки? – удивилась Белль.

– Да, – Фредерик повесил половник на место. – Я знал только французское название. И стал заранее переводить все слова с французского на английский.

Белль удивлённо распахнула глаза. А потом заметила:

– Мог бы просто спросить у меня.

– Тебе было шестнадцать, ты тоже могла не знать всех слов, – ответил Фредерик.

Белль рассмеялась:

¹¹ Корицу, пожалуйста (*фр.*).

¹² Держите, шеф (*фр.*).

– И откуда ты такой ответственный, Фредерик Уильям Уайт?

– Должны же были когда-нибудь сбыться чаяния шефа Бомбона, – ответил тот. Помолчал, задумчиво мешая тесто ложкой. – Он считал меня неорганизованным и неловким. Конечно, мне было шесть, когда я стал учиться у него... – Фредерик запрокинул голову и улыбнулся воспоминаниям. Его зелёные глаза сверкали, и он казался Белль в этот миг особенно красивым. – Помню, как попросил у него порезать морковь, – продолжил Фредерик, вновь вернувшись к тесту. – Шеф так здорово это делал, мне захотелось попробовать...

Сколько Белль знала Фредерика, он не любил говорить о своём наставнике, работавшем поваром в доме его родителей. Даже почти не упоминал его имя. Но сегодня... Фредерик вспоминал о прошлом легко, будто такая откровенность – привычна для него.

– ...до тринадцати лет он называл меня «gamin»¹³, – усмехнулся он. – Я заслужил имя только после того, как помог ему выиграть в одном из кулинарных состязаний. Он умел быть благодарным.

Белль улыбнулась и спросила:

– Почему ты так редко рассказывал о нём?..

Фредерик удивился:

– Редко? Не приходилось к слову, наверное...

– А где он сейчас?

– Умер, когда я учился в Кембридже.

– Мне очень жаль, – произнесла Белль сочувствующе.

Ровное море спокойствия Фредерика подёрнулось рябью грусти. Но он ничего не ответил, только кивнул, благодарно взглянув на Белль. Потом положил последний ломтик яблока на выложенное в форме тесто и сказал:

– Давай украшать.

– Давай, – откликнулась Белль и вслед за Фредериком стала скручивать кусочек теста в тонкий жгут.

¹³ Мальчишка (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.